

Глава 17

— Наш Фэйфэй уже сам научился кушать палочками? — с удивлением и радостью воскликнула Ян Юйин, заметив, как у малыша двигаются щёчки, когда он что-то жуёт.

Она держала в руках маленькую мисочку с яйцами на пару, которую только что принесла с кухни. Именно поэтому она и не заметила, что делал Фэйфэй.

Слова Ян Юйин привлекли внимание Линь Гошэна, и он тоже посмотрел на своего внука, который послушно сидел и ел.

Дома его никто не учил пользоваться палочками. Каждый раз во время еды все наперебой старались покормить его. Неужели Фэйфэй, глядя на других, сам научился?

В глазах Линь Гошэна читались нескрываемые удивление и гордость.

Его внук — гений! Никто не учил, а он уже сам пользуется палочками! В то время как другие дети в его возрасте ещё едят ложкой, их Фэйфэй уже освоил палочки!

Гордость.jpg

Господин Чу, видя, как Линь Гошэн и Ян Юйин радуются такой мелочи, не мог сдержать улыбки. Он вспомнил, как лет десять назад Линь Гошэн с недовольным лицом жаловался ему на плохую оценку Линь Сыняня.

Фэйфэй, на которого дедушка с бабушкой смотрели как на гения, совсем не выглядел счастливым. Проглотив кусок, он нахмурился, и его лицо начало постепенно меняться.

Острый перец с вяленным мясом, любимое блюдо господина Чу, было приготовлено превосходно. Сначала острота не перебивала вкус, давая насладиться ароматом перца и мяса. Но по мере жевания, острота медленно высвобождалась, становясь всё сильнее и сильнее.

Это была та самая коварная острота, которая проявляется не сразу, а с опозданием.

Наконец, когда жжение достигло своего пика, личико малыша сморщилось, как пельмешек, глаза покраснели, и он, запрокинув голову, громко заплакал.

Этот плач ошеломил Линь Гошэна и Ян Юйин. Они видели, как Фэйфэй плачет, всего второй раз в жизни.

Малыш плакал редко, но каждый раз его плач разрывал сердце.

Крупные слёзы катились по его щекам, и Линь Гошэн с Ян Юйин тут же подскочили со своих мест. Они подбежали к нему, подняли на руки и стали встревоженно расспрашивать:

— Что случилось? Фэйфэй, где болит? Скажи дедушке.

Фэйфэй с рождения не пробовал ничего подобного. Острота — это ведь не вкус, а боль. Избалованный малыш, никогда не знавший таких страданий, чувствовал, как у него горит во рту, и не мог вымолвить ни слова.

Но, видя беспокойство Линь Гошэна и Ян Юйин, он, преодолевая боль, показал пальцем на свой покрасневший рот.

В этот момент Чу Сяохань, сидевший напротив и видевший всё с высоты своего роста, сказал:

— Он съел вот это.

Все посмотрели в ту сторону, куда указывал Чу Сяохань, и сразу же нашли виновника слёз малыша: тарелку с острым перцем и вяленным мясом.

Ян Юйин мгновенно всё поняла. Она шлёпнула мужа по спине и с укором сказала:

— Куда ты смотрел, когда я ходила за едой? Не мог за ребёнком присмотреть? Он же маленький, разве ему можно острое?

Линь Гошэн не стал спорить. Он с нежностью обнимал и утешал внука, кивая:

— Моя вина, моя вина.

Фэйфэй ещё такой маленький, откуда ему знать, что можно есть, а что нельзя.

Для ребёнка съесть кусочек острого перца — это, конечно, неприятно, но, по крайней мере, стало ясно, что плач вызван не серьёзной проблемой. Господин Чу велел принести стакан молока.

Фэйфэй, всё ещё напуганный, отказывался открывать рот.

Чу Сяохань, незаметно спустившись со стула, подошёл к Линь Гошэну, коснулся руки малыша и, глядя в его заплаканные глаза, утешил:

— Выпей молочка, и всё пройдёт. Перестанет болеть.

Малыш посмотрел на Чу Сяоханя, потом неуверенно позволил бабушке дать ему глоток прохладного молока.

Хм? Во рту стало не так больно.

Фэйфэй перестал плакать и, сидя на руках у дедушки, выпил полстакана молока, которое давала ему бабушка. После этого жжение во рту прошло, хотя язык всё ещё был немного онемевшим.

От слёз волосы на лбу у Фэйфэя намокли и мягко прилипли к коже.

Хотя он и съел перец из-за того, что Чу Сяохань ввёл его в заблуждение, малыш не держал обиды. Глядя на виноватое и обеспокоенное лицо Чу Сяоханя, стоявшего перед ним, Фэйфэй сделал ещё один большой глоток молока и, проглотив, сказал:

— Спасибо, братик, — его голос после слёз звучал особенно нежно.

Простодушный ребёнок, который верит всему, что ему говорят.

Когда Линь Гошэн и Ян Юйин с Фэйфэем собрались уезжать, Чу Сяохань всё ещё выглядел немного неловко.

Наконец, когда Фэйфэй уже собирался садиться в машину, он подошёл к нему и серьёзно сказал:

— Прости. Я не знал, что ты не ешь острое. Больше так не буду.

Это была его вина. Он не должен был судить по себе и думать, что если что-то нравится ему, то понравится и всем остальным.

Фэйфэй, как и положено мифическому зверю, быстро забывал всё грустное и болезненное. Услышав слова Чу Сяоханя, он на мгновение задумался, прежде чем понял, о чём речь.

— Хорошо, — просто ответил Фэйфэй, отпуская ситуацию, которая мучила Чу Сяоханя последние пару часов, и тут же спросил: — Братик, я смогу ещё прийти к тебе в гости? А ты можешь приехать ко мне? У меня дома тоже весело.

Фэйфэй вспомнил о маленьком парке аттракционов, который теперь был в его полном распоряжении в поместье Линь, и пригласил своего нового друга.

Чу Сяохань был тронут предложением, но, вспомнив об уроках, покачал головой и отказался:

— Мне нужно на занятия.

— На занятия? — это слово было для Фэйфэй чем-то далёким и непонятным. Он пока был просто маленьким малышом, которому нужно было только есть, пить и играть.

Чу Сяохань кивнул. Когда Фэйфэй приехал, он как раз смотрел обучающее видео на английском. Если бы не гости, по расписанию у него днём должны были быть занятия с репетитором.

Двое сыновей господина Чу оказались непутёвыми, а старшие внуки, пока он не обращал на них внимания, тоже пошли по кривой дорожке.

Когда господин Чу опомнился, то осознал, что, несмотря на всю свою мудрость, остался без наследника. Из всех младших в семье Чу только маленький Чу Сяохань обладал хорошими способностями.

После этого господин Чу прошёл полное медицинское обследование. Врачи сказали, что у него отличное здоровье, нет никаких серьёзных заболеваний, и если он будет беречь себя, то проживёт ещё лет пятнадцать-двадцать без проблем.

Вернувшись из больницы, господин Чу забрал Чу Сяоханя к себе. Теперь они жили в старом особняке, а остальную семью он выселил, так что Чу Сяохань редко виделся даже с собственными родителями.

Его день был расписан господином Чу по минутам.

Услышав, что Чу Сяохань каждый день ходит на занятия, Фэйфэй вспомнил, как утром Линь Хань изо всех сил не хотел идти в школу, и ему стало жаль братика.

— Бедный братик.

А вот ему не нужно каждый день ходить на занятия.

Чу Сяохань с удивлением посмотрел на него. Бедный? Он так не считал. Учиться довольно интересно. Иногда, правда, учителя объясняют слишком медленно. Он уже всё понял, а они всё повторяют и повторяют.

В конце концов, малыши договорились, что когда у Чу Сяоханя будет время, он позвонит и приедет в гости к Фэйфэйю. Тот пообещал показать ему свой маленький парк аттракционов и сводить в сад за фруктами.

Когда машина тронулась и отъехала, Чу Сяохань вместе с дедом ещё долго смотрел ей вслед, пока она не скрылась из виду, и только потом они медленно пошли обратно.

По дороге Чу Сяохань сказал:

— Дедушка, можно изменить моё расписание? Я хочу освободить один день.

— Хочешь поехать в гости к Линям? — спросил господин Чу.

— Угу, — кивнул Чу Сяохань. Он ведь обещал Фэйфэю.

— Если ты будешь успевать по всем предметам, то оставшееся время можешь планировать сам, — сказал господин Чу. Хоть он и возлагал на внука большие надежды, он не хотел полностью лишать его детства.

Воспоминания о детстве — это то прекрасное, что не купишь ни за какие деньги и не обменяешь ни на какую власть. Он не хотел, чтобы внук, повзрослев, винил его.

— Хорошо.

Оставшуюся часть пути шаги Чу Сяоханя были заметно легче.

Наверху в особняке семьи Линь.

Линь Хань, вернувшийся из школы, сжал кулаки и с недоверием посмотрел на мать, которая так его любила.

— Ты хотела меня убить? — с трудом выдавил он.

<http://bllate.org/book/13654/1584706>